

ФЕМИНИСТСКИЕ КОММЕНТАРИИ, ИЛИ ЧТО ТАКОЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ?

*В пограничном пространстве различий,
«в полумраке чужих языков»¹ ...*

Ирина Грабован

«– Чего мы ждем, сошедшись здесь на площади?
– Да, говорят, придут сегодня варвары».

Константинос Кавафис

1.

Бывшая в доисторические времена морским дном, сохранившая одни из древнейших в Европе останки первобытной культуры, когда-то северная провинция римской империи, затем (в 12 веке) входившая в состав Древнерусского государства, *эта земля* – сегодня она называется «Молдова» – обозначала западный рубеж монголо-татарской империи во времена Золотой орды, первой из трех молдавских княжеств обрела независимость (1359), утраченную под натиском турок. Русские закрепились здесь в начале 19 века, помогая братьям православным христианам в борьбе с Османской Портой, а потом отстаивали свое присутствие здесь в борьбе уже со всеми, в том числе с немцами и их румынскими союзниками во Вторую мировую. Вплоть до недавнего времени *эта территория* оставалась юго-западным бастионом империи советской.

Империи рождались, процветали, дряхлели и умирали, а земля эта служила домом/пристанищем на время/или навсегда для множества народностей – чуткий нюх может различить и запах Европы в несущемся от этого этнического

котла дымке, гонимом ветром то в одну, то в другую сторону. Помимо молдаван, украинцы, русские, болгары, евреи, сербы, поляки, немцы, армяне, турки по-прежнему составляют значительную часть населения *этой земли*, благодаря в том числе и потокам интенсивной миграции, формируя неповторимую детерриториализующуюся топологию страны, границы которой постоянно меняются, как линия прибоя под накатом волн истории.

Меняются не только границы страны, но язык, символы и знаки. Главная улица столицы в эпоху Российской империи именовалась в честь царя Александровской – тогда, когда сюда ссылали всевозможных еретиков и бунтарей и давали отчаянным землю для обработки. Улицу назвали проспектом Ленина в новое время, когда человеческие массы пришли в движение, как земная кора в период землетрясений. Сюда хлынул новый поток переселенцев: специалисты разных национальностей приезжали модернизировать регион. Она стала улицей Штефана Чел Маре (в честь могущественного в средневековье молдавского господаря, успешно царствовавшего 52 года) после заката горбачевской перестройки, когда почти с одновременным обретением государственной независимости, поиском новой формулы деления на «своих» и «чужих» и иными масштабами эмиграции, потребность в подходящих символических фигурах, вокруг которых можно было бы строить собственную убедительную версию национальной идентичности, обозначилась с настоящей необходимостью. Появление новой символической фигуры Штефана Чел Маре в этом контексте стало неизбежным.

Меняются границы и символы *этой земли* – попеременно или одновременно; почти синхронно меняется интерпретация истории и политические сценарии будущего. Поле символического, густо населенное/засеваемое различными национальными образами, находит своих пахарей в каждую эпоху: идеологи предсказывают погоду, политики подсчитывают урожай.

«Сия пустынная страна/священна для души поэта/ Она Державиным воспета/ И славой русскою полна», – писал А.С. Пушкин о Бессарабии, прибыв сюда в ссылку в 1821 году. В то же время в гетерогенных национальных и культурных кодах обустрояемого пространства знаком именно русской славы стал памятник этому изгнанному когда-то из столицы Российской империи поэту, установленный в конце 19 века в центральном парке Кишинева. (С точки зрения фукиански понимаемой политической географии занимательно, что во времена римской империи эта окраина выполняла по преимуществу ту же функцию: служила пристанищем для изгнанников. Где-то здесь, недалеко, черпал вдохновение пушкинский собрат по перу Овидий... «Если выпало в империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря», – практично обобщил этот опыт детерриторизации как позитивный Иосиф Бродский в эпоху империи советской).

Понятно, что страницы истории русских побед и/или поражений на этой детерриторизованной территории вдохновляют не каждого. Кому-то будет

достаточно пролистнуть их, не читая, поскольку выуженные оттуда цитаты и образы льют воду на «чужую» мельницу и годятся не для всякого политического проекта. «Да, мы от римлян приходим!» – напомнили братья-румыны братьям-молдаванам в конце 20 века гордое восклицание румынского поэта-романтика 19 века Михая Эминеску, врубив его в постамент копии знаменитой римской волчицы, вскармливающей братьев Ромула и Рема. Именно этот памятник был выбран в качестве значимого и знакового подарка *sosedi*.² Копия волчицы, водруженная с почестями и воодушевлением в центре небольшой и не очень заметной – если не устраивать маленьких (бес)полезных войн – новой европейской (?) столицы, переименованной при смене политического ветра из Кишинева в Кишинэу, стоит перед зданием исторического музея и служит красноречивым фукианским генеалогическим манифестом титульной нации, указывая русскоязычному «меньшинству» (а заодно и Третьему Риму) их место в этой новой национальной аристократической иерархии. Интересно, что впоследствии, когда недостаточно усердно исполненная копия слегка утратила целостность (*что-то там такое* у волчицы отвалилось), первое, что пришло на ум скачающим без провокаций, временно мало востребованным «специалистам по культурно-этническим различиям», что это – акт вандализма, определенный политический *message* со стороны (конечно же!) русскоязычных. В стране, где еще недавно, на стыке 90-х, в период особенно буйных споров о необходимости и принципах разделения на «своих» и «чужих», можно было печатно обвинить русских женщин в том, что это они, коварные, завезли в Молдавию венерические заболевания (газета «Цара/Родина»), нынешний упрек мог сойти за безобидное подозрение.

2.

Куда ни брось взгляд, ни обрати слух, в Молдове (и не только) находятся многочисленные свидетельства того, как культура генерирует, материализует, обустроивает пространство этнически/национально, в том числе и имперски означенное, настойчиво маскируя случайный характер сложившихся границ. Куда ни становись – в радостный строй под знамена заслуженных побед или в понурюю очередь за баландой несправедливых поражений, – кажется, почти невозможно остаться немаркированным принадлежностью к группе/этносу/нации, ... расслабиться, освоиться и почивать на территории нейтральной, никому доселе не принадлежавшей, – «ничейная» земля в руки не дается – неужели таковой в новых политических условиях просто уже и не сыщешь?..

«Что у меня общего с евреями? – вопрошал на немецком пражский еврей Кафка. – У меня даже с самим собой мало общего» («Дневники»). Кафка, как известно из Делеза, – один из немногочисленных примеров в истории так

называемой миноритарной литературы того типа мышления, что сопротивляется соблазнам строительства единых наций, государств или единого государственного языка, пытаясь отстоять внутреннее гетерогенное пространство как неопределяемое, зону вне власти, альтернативную по отношению к существующему порядку вещей, уклоняясь от возможности быть обобщенным, учтенным, причисленным...

Трудный опыт самопознания, выраженный в искусстве, и опыт социально-политических экспериментов, выраженный в историях истории, к началу 21 века дает возможность с большей ясностью и неотвратимостью осознать, что «принадлежность»³ не является чем-то незыблемым, сущностным, исконным, эссенциалистски данным. «Национализм придает ... границам и реальному составу политического сообщества ауру мнимой сущности и унаследованной легитимности».⁴ Привычное, классическое определение нации как спаянной органическими узлами требовалось для оправдания построения государства и формулировалось теми, кто кроил границы и ставил шлагбаумы. Неустойчивые и уязвимые, пульсирующие и подвижные идентичности и принадлежности становились вдруг четко определенными, обретали ярость страстных аргументов и скорость пульса, когда всегда находился желающий передвинуть границы, перекрасить шлагбаум, сменить старый замок, водрузить иной флаг, поменять на фуражке пограничника кокарду, то есть изменить систему сложившихся отношений, подвергнув сомнению традицию распределения благ и привилегий, ресурсов и статусов, которые фиксируются этими понятиями. С тем, чтобы в дальнейшем присвоить эти блага себе и пользоваться ими с удовольствием. Обращение к таким трем категориям, как территория, конфессия, класс, всегда приходило на помощь в мобилизации масс «на подвиг и на труд» в написании новой картины мира, в том числе и при помощи наличествующих в палитре трех основных цветов в живописи: красного, желтого и синего (кстати, это цвета молдавского флага-триколора). В этом случае прежде разрозненное, разнородное, непрестанно дискутирующее или даже ссорящееся, с трудом (не)приходящее хотя бы к какому-то единому мнению («шум бытия» Бадью) население детерминированной территории формировало сообщество, члены которого готовы были отдать жизнь в борьбе «стенка на стенку», особенно если стенки окрашены в излюбленные национальные цвета.

Сегодня, несмотря на грохот продолжающихся войн, локальных конфликтов, «зачисток» и монотонную истерию социальной и национальной ненависти масс-медиа, начинает все более внятно звучать хладнокровный анализ концепта «гражданство» и его двоякой природы, порождающей напряжение и конфликты. С одной стороны, гражданство – универсальный юридический статус, определяемый в терминах «гражданских прав»; с другой – оно определяется принадлежностью к так называемой культурной общности, «тщательно сконструированной интеллектуалами» (выражение Хабермаса). В то же время,

как пишет Хабермас: «За фасадом культурной однородности в лучшем случае скрывается лишь поддержка культуры господствующего большинства, подавляющая иные культуры». Поэтому он делает следующий вывод: «Культура большинства должна быть отделена от политической культуры». По мнению этого автора, конфликтогенная «напряженность может быть снята при условии, что в ряду конституционных принципов прав человека и демократии приоритет будет принадлежать космополитическому пониманию нации, как нации граждан, а не этноцентричной трактовке нации как до-политического единства».⁵

Данные отношения конституируются не общностью реальной, а *чувством* общности; тем, как в определенном контексте артикулируется пережитое прошлое или взыскуется желаемая версия будущего, то есть всем тем, что впоследствии – ретроактивно – можно будет описать как общность «судьбы». Логическая особенность такого процесса конструирования заключается в том, что пустое означающее судьба никогда не бывает окончательным – каким бы привлекательным не казалось определение нации Клиффордом Гирцем как «окончательной общности судьбы».⁶ Например, в англоязычных странах чуть ли не каждые три-пять лет появляется новый перевод «Одиссеи» Гомера. Другими словами, именно язык – попробуем поиронизировать: «велико-английский» – постоянно меняется. Меняется контекст любого пустого означающего, меняется воображаемое, меняется то, что называют словом «жизнь», поэтому необходимость новой версии перевода/интерпретации/нового прочтения и т.д. и т.п., то есть наполнения пустого означающего (в том числе и «судьбы») любыми исторически меняющимися коннотациями неизбежна и неотвратима. Так и пустое означающее государство. Это не пространство, обнесенное глухим забором, но непрерывное активное взаимодействие разнородных интересов сограждан, которые не есть семья родственников (что можно проверить, сдав кровь на анализ), но – воля к жизни и выбор отдельных индивидуумов, объединенных солидарностью (в жажде или отчаянии).

Итак, прежде не проницаемые границы размыкаются. Упираясь в то же время в физические границы новых наций-государств и границы планеты одновременно...

«... Уже стемнело – а не видно варваров.

Зато пришли с границы донесения,
что более не существует варваров.

И как теперь нам дальше жить без варваров?
Ведь варвары каким-то были выходом...».⁷

---

1 В названии эссе использовано выражение Хоми Баба. См. Баба Хоми «ДиссемиНация: время, повествование и края современной нации», *Синий диван*, № 6, 2005, с. 60.

- 2 О неоднозначности концепта «сосед» см. *The Neighbor: Three Inquiries in Political Theology*, Slavoj Zizek, Eric L. Santer, Konneth Reinhard, eds. (Chicago and London: The University of Chocago Press, 2005).
- 3 См. диалог Дж. Батлер с Г.Ч. Спивак по поводу концепта «принадлежности» в этом же номере журнала.
- 4 Хабермас Ю. «Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства», *Нации и национализм* (М., 2002), с. 372.
- 5 Там же, с. 371.
- 6 Geertz, C. *Dichte Beschreibung: Beiträge zum Verstehen kultureller Systeme* (Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1984), S. 121.
- 7 Константинос Кавафис «В ожидании варваров», перевод с греч. Ирины Ковалевой.